

Сона Скофилд

ПОПАДАНКА В БЫВШУЮ ЖЕНУ ЗОЛОТОГО ДРАКОНА

Сона Скофилд

**Попаданка в бывшую
жену Золотого дракона**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Попаданка в бывшую жену Золотого дракона / С. Скофилд —
«Автор», 2026

С бывшим мужем я познакомилась через три месяца после развода. Он помнил пять лет нашей семейной жизни. Я — работу в земном театре и декорацию, под которой погибла. Мне досталось тело Селесты Арлен, которая сумела уйти от Золотого дракона. А вместе с ним — приглашение на аукцион, где собирались продать ее личные воспоминания. Кто-то назначил цену самым сокровенным минутам чужого брака. За помощью пришлось обратиться к Адриану Вейру — тому самому бывшему мужу. Я рассчитывала выяснить, кто украл кристаллы и как вернуть их до торгов. Заодно выяснила, какие у Адриана теплые руки, как неожиданно он умеет смешить и как трудно отпустить его вечером, когда можно попросить остаться. Он знал, что я другая. Но иногда смотрел на меня так, что хотелось спросить, кого именно он сейчас видит. Селеста любила этого мужчину. И все-таки ушла. Я уже хотела его поцелуев, когда поняла: среди украденных воспоминаний есть то, после которого она решила развестись. И мне предстоит его увидеть.

Содержание

Пролог. Лот с моим именем	5
Глава 1. Человек, который меня помнит	10
Глава 2. Три украденных воспоминания	21
Глава 3. Меня зовут Полина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сона Скофилд

Попаданка в бывшую жену Золотого дракона

Пролог. Лот с моим именем

— Селеста, слышишь меня? Пожалуйста, открой глаза.

Я попыталась ответить, но закашлялась так сильно, что пришлось повернуться на бок. Чья-то рука поддержала меня под плечом. Щекой я чувствовала шершавую ткань, а под ней — камень.

— Вот так. Не торопись вставать.

Перед глазами расплывалось женское лицо. Я различила выбившуюся из косы прядь, прикушенную губу, темное пятно на воротнике. Женщина наклонилась ниже и убрала волосы с моего рта.

Мокрая прядь прилипла к запястью. Я машинально попыталась ее отцепить, вспоминая, что еще утром у меня была короткая стрижка.

— Где я? — Голос прозвучал сипло и непривычно низко.

— У Южного канала. Тебя вытащили из воды. Лекарь уже здесь, сейчас он тебя посмотрит.

Я перевела взгляд на собственную руку. На пальцах не было следов краски. Ноготь большого пальца, который я вчера сломала об упаковочный ящик, оказался целым. Под кожей у запястья проступали незнакомые тонкие вены.

За спиной женщины кто-то отгонял людей от края набережной. Я слышала плеск воды, скрип дерева, сердитое:

— Отойдите от ограждения. Еще обрушится, сами полезете доставать?

Я помнила, как стояла на сцене. Мы проверяли собранную боковую конструкцию; я отошла к краю, чтобы посмотреть на нее из зала. Наверху резко стукнуло. Кто-то крикнул мне пригнуться, и я подняла голову.

Дальше ничего не было. Как я оказалась в воде, я не помнила.

— Мне нужно позвонить, — сказала я. — У вас есть телефон?

Женщина посмотрела на седого мужчину, опустившегося рядом на колени.

— Она меня не узнает.

Он положил пальцы мне на запястье. Я пыталась отвечать на его вопросы, но от холода зубы стучали так, что сводило челюсть. На мне было тяжелое мокрое платье.

— Сейчас перенесем вас в тепло, — сказал мужчина. — Моя приемная за углом. Нэлла, придержите одеяло.

Меня подняли. Я вцепилась в чужой рукав и на несколько секунд закрыла глаза. Нэлла шла возле носилок, придерживая край одеяла. Ее шаги я слышала всю дорогу.

У лекаря меня переодели в сухую рубашу и уложили на узкую постель. Пока он осматривал меня, Нэлла отжимала над тазом край своей юбки. Я понемногу перестала дрожать, смогла выпить несколько глотков воды и спросила, видела ли она, как я упала.

— Нет. Я шла к тебе, а у моста услышала, что в канал свалилась женщина. Потом мне показали твою сумку.

Она достала из кармана шнурок с маленьким ключом и положила на столик возле постели.

— Лодочник сказал, под тобой осыпался край. Он был рядом, сразу подплыл. Если бы дальше стоял...

Она сжала губы и расправила влажный подол. Я смотрела на ключ. Мои лежали в рюкзаке, вместе с пропуском в театр. Самого рюкзака здесь не было.

— Селеста, — позвал лекарь, возвращаясь к постели. — Скажите, что вы помните до падения?

Я открыла рот и встретила с ним взглядом.

Меня звали Полина Белова, сегодня утром я была на работе, и надо мной рухнула декорация. Я повторила это про себя, пока лекарь ждал ответа. Нэлла смотрела на меня с такой тревогой, что я опять не решилась произнести свое имя.

— Я не помню канала, — ответила я. — И эту улицу тоже.

На вопрос о городе я тоже не смогла ответить.

— Ильсар, — тихо подсказала Нэлла. — Мы в Ильсаре.

До середины дня я оставалась в приемной. Лекарь проверял мое дыхание, велел отдыхать. Когда разрешил ехать домой, Нэлла вышла за наемной каретой.

За окном проехали лавки под полосатыми навесами и деревья с пожелтевшими нижними ветками. Я попыталась запомнить повороты, но вскоре прикрыла глаза: от движения мутило.

Возле двухэтажного дома Нэлла помогла мне выбраться и достала тот самый ключ.

— Ступенька высокая. Возьмись за меня.

Я послушалась и с ее помощью поднялась к двери.

Из прихожей виднелась светлая комната с письменным столом у окна. Под него поставили скамеечку для ног; я сразу заметила, что она мешает отодвинуть стул.

Нэлла уверенно повела меня к лестнице и помогла подняться в спальню. Нашла полотенце, принесла сорочку и теплый домашний халат.

— Я помогу тебе переодеться, а потом принесу поесть. Лекарь зайдет вечером. Ночью одной оставаться нельзя, так что я пока побуду здесь.

Я кивнула, но, когда она потянулась к завязкам рубахи, невольно отступила.

Нэлла убрала руки.

— Можешь сама? Хорошо. Если закружится голова, сядь. Я буду за дверью.

Она вышла, и я наконец осталась одна.

В углу стояло зеркало. Чтобы добраться до него, понадобилось обойти кровать. Я держалась за столбик и смотрела на женщину в длинной белой рубахе.

У нее были темные волосы, серые глаза и припухшие от воды губы. Под подбородком краснела ссадина. Мягкие черты лица делали ее моложе, чем я чувствовала себя сейчас. Я поднесла ладонь к щеке и увидела это движение в зеркале.

Потом провела пальцами по брови, оттянула ворот. Кожа была теплой; шов рубахи царапал плечо. Когда я коснулась ссадины, стало больно.

Я села на край кровати, потому что стоять больше не могла.

В тридцать четыре года я знала свое лицо. Видела его после болезни, бессонных ночей, слишком долгого рабочего дня. Женщину, сидевшую сейчас перед зеркалом, я никогда прежде не встречала.

Из-за двери донесся звон посуды.

— Селеста, тебе помочь?

— Нет. Пожалуйста, подожди еще немного.

Я переоделась, кое-как завязала пояс халата. Справившись с этой мелочью, подумала о маме.

Накануне она прислала фотографию герани на подоконнике и спросила, когда я приеду забрать свои цветы. Я ответила: «Завтра созвонимся». Утром собиралась набрать ее по дороге в театр, но решила сначала доехать, а потом увлеклась работой.

Я машинально поискала карман для телефона.

Карманы были пустыми. Я сидела, положив руки на колени, и хотела услышать мамино недовольное «Полина, у тебя опять некогда?». Я бы выслушала все. Даже про то, что в моем возрасте пора научиться вовремя обедать.

Только я не знала, где теперь ее искать.

Когда Нэлла постучала снова, я разрешила войти.

Она поставила поднос на столик, налила воды. В маленькой миске был бульон; рядом лежали хлеб и сложенная салфетка. Я взяла ложку и поняла, как сильно хочу есть.

Нэлла подождала, пока я немного поем, потом подвинула стул.

— Скажи честно. Меня ты тоже не помнишь?

Я покачала головой.

Она посмотрела на свои руки, потерла пятно на указательном пальце. Теперь я разглядела, что это чернила.

— Нэлла Рин. Я работаю с твоими рукописями. Мы знакомы почти четыре года.

— Мы подруги?

— Подруги. Я у тебя уже ночевала, когда мы не успевали закончить работу.

— Прости. Я понимаю, как это звучит. Спасибо, что осталась со мной.

Она кивнула и налила мне еще воды.

— Дом тоже чужой?

— Здесь все чужое.

Нэлла придвинула мне хлеб и больше не расспрашивала.

Ближе к вечеру я перебралась в комнату с письменным столом. Спать пока не хотелось, а лежать перед зеркалом было невыносимо. Нэлла принесла плед и убрала скамеечку, на которую я чуть не наступила.

На столе лежали листы с текстом, разбитым на реплики. На полях другим почерком стояли исправления.

— Это я писала?

— Переводила, — ответила Нэлла. — Но сегодня оставь. Ты и без работы едва на ногах держишься.

Я провела пальцем по краю листа. Женщина, которой принадлежал дом, занималась пьесами. Среди ее бумаг я все еще надеялась увидеть хоть что-нибудь свое.

— Нэлла, а кто еще здесь живет?

— Никто. По утрам приходит женщина убирать и помогать с обедом. Сегодня я ее отпустила. Что тебе нужно?

— Я хотела понять, есть ли у меня семья.

Нэлла помедлила.

— Ты спрашиваешь про Адриана?

Мне пришлось снова покачать головой.

Она встала, достала из ящика стола тонкую папку и открыла передо мной.

— Твой бывший муж. Адриан Вейр. Вы развелись три месяца назад.

Я посмотрела на лист с печатью. Под ней стояли два имени, одно из которых я слышала весь день.

Селеста Арлен.

— Мы долго были женаты?

— Пять лет. Селеста, может, хватит на сегодня? Я расскажу все, что знаю, но ты совсем побелела.

— Это я захотела развестись?

— Да. Ты сама этого добивалась.

Я положила лист обратно. У женщины с моим нынешним лицом было пять лет брака с мужчиной, имени которого я до этого вечера не знала.

— И детей у нас нет?

— Нет.

Я выдохнула. По крайней мере, за этой дверью не ждал ребенок, которому сегодня не вернули бы мать.

Нэлла закрыла папку.

— Я собрала почту. Если хочешь, отложим до утра. Тут приглашение, счет от переплетчика и еще письмо.

— Покажи приглашение.

Мне хотелось хоть что-нибудь прочитать самой, пока хватало сил.

Конверт был плотным, кремовым, с аккуратно выведенным именем Селесты Арлен. Внутри оказались сложенный лист и небольшая печатная карточка.

На карточке была изображена женщина с моим новым лицом. Ее волосы были уложены; голова чуть повернута. Она улыбалась краем рта. Я узнала ямку у нижней губы, которую несколько часов назад трогала пальцем.

Под изображением напечатали:

«Частное собрание воспоминаний Селесты Арлен о браке с Золотым драконом Адрианом Вейром».

Ниже перечислялись три предмета: «Зимний сад», «Рукопись», «Вечер Золотого дома».

Я развернула вложенный лист. Закрытые торги. Предварительный показ для приглашенных. Торговый дом Эдмона Кресса.

— Что они продают?

Нэлла наклонилась к бумаге. Ее лицо изменилось.

— Твои кристаллы.

— Какие кристаллы? Нэлла, я правда не понимаю.

— С записями памяти. Иногда сохраняют то, что хотят потом увидеть снова. Свадьбу.

Голос человека. Здесь написано, что записи твои.

— Их можно посмотреть?

— Если есть прибор. А у Кресса он, конечно, есть.

Я провела ладонью по лицу. Значит, покупатель сможет увидеть чужой семейный вечер, послушать разговор двоих. Узнать, как они вели себя, когда оставались наедине.

На карточке стояла фамилия женщины, которая сегодня упала в канал. Ее лицо теперь было моим.

— Ты знала, что они продаются? — спросила я.

— Нет. И не слышала, чтобы ты собиралась их продавать.

Я не могла отвечать за Селесту. Даже не понимала, где она сама, пока я сидела в ее доме и держала этот конверт. Но мне было неприятно представлять, как незнакомые люди будут обсуждать женщину с моим лицом. Они узнают о ней больше, чем я.

— Когда торги?

Нэлла прочла дату.

— Через двадцать девять дней.

Я отложила приглашение. Пальцы так крепко сжимали край, что на плотной бумаге осталась складка.

— А Золотой дракон — это что? Его прозвище?

Нэлла долго смотрела на меня. На этот раз я выдержала ее взгляд.

— Адриан из Золотого дома. Он дракон, Селеста. Может обращаться.

Я опустила глаза на собственные руки. Представить себе мужчину, который превращается в дракона, я пока не могла.

— Ты сказала, есть еще письмо.

Нэлла протянула мне второй конверт.

Имя на нем было написано от руки. Внутри лежал один лист.

«Селеста, мне прислали каталог Кресса. В нем три твоих воспоминания о нашем браке.

Я хотел бы поговорить с тобой до того, как начнутся показы. Если ты согласна, придь завтра в одиннадцать. Напиши, если нужно другое время.

Адриан».

Я перечитала письмо, задержавшись на словах «о нашем браке».

За этими словами стояли пять лет. Наверное, он помнил, как эта женщина разговаривала, чему смеялась, как прикасалась к нему. Мог бы объяснить выражение ее лица на портрете.

А я даже не знала, какое у него лицо.

— Ему можно передать ответ сегодня?

— Я отправлю посыльного. Что написать?

Мне хотелось попросить еще день. Или неделю, за которую я успела бы перестать вздрагивать от собственного отражения. Но записи уже предлагали чужим людям. Мужчина, написавший письмо, по крайней мере понимал, что в них содержится.

— Пусть приходит в одиннадцать, — сказала я. — Я приму его.

Нэлла придвинула чистый лист. Я увидела, как уверенно она обмакнула перо, и вдруг испугалась предстоящей встречи гораздо сильнее, чем прежде.

— Только останься завтра со мной, — добавила я. — Я не хочу встречать его одна.

Глава 1. Человек, который меня помнит

Утром я примерила три платья, прежде чем поняла, что ни в одном не буду похожа на женщину, которую ждет Адриан Вейр.

Первое застегивалось на спине. Во втором ворот касался ссадины под подбородком. Третье, синее, удалось надеть самой, но с крючками на левом рукаве я провозилась так долго, что пришлось сесть. После вчерашнего болели плечи, а руки становились тяжелыми от самого простого движения.

Я оставила рукав расстегнутым и посмотрела на часы над дверью. До одиннадцати оставалось больше двух часов.

Нэлла постучала, когда я в очередной раз попробовала свести края манжеты.

— Можно? Женщина, которая помогает тебе по дому, уже пришла. Спрашивает, что приготовить к обеду.

— Что-нибудь обычное. Я пока не понимаю, что здесь едят.

Нэлла задержалась у двери. Я подняла руку, показывая непокорную застежку.

— И помоги мне, пожалуйста. Правую застегнула, а с этой никак.

Она присела на край кровати и взяла мою ладонь. Вчера Нэлла осталась ночевать, вставала, когда я кашляла, а я до сих пор вздрагивала, если она подходила сзади.

— Тесно? — спросила она, просунув палец под манжету.

— Нет. Спасибо.

— Можешь принять его в халате. Вчера ты чуть не утонула, тебе не обязательно выглядеть так, будто ничего не случилось.

Я провела ладонью по юбке. Синий был хороший, чистый, без сероватой примеси. На Земле я купила бы себе рубашку такого цвета.

— В платье мне спокойнее. Хотя бы снаружи я буду готова.

Нэлла убрала с кровати остальные вещи.

— Я написала ему про канал. И про то, что тебе трудно вспоминать. Чтобы не начал расспрашивать с порога.

— Он ответил?

— Посыльный вернулся с устным ответом: будет в одиннадцать, как договаривались. Спросил, был ли лекарь.

Лекарь вчера приходил еще раз. Выслушал мое дыхание, долго спрашивал о боли и велел несколько дней провести дома. Когда я поинтересовалась, может ли память не вернуться совсем, он не стал обещать, что к утру я узнаю собственную спальню. Сказал, что пока слишком рано судить.

Объяснение про рухнувшую театральную конструкцию и чужое тело я все еще не могла произнести вслух. Стоило представить, как Нэлла выслушивает меня, а потом идет за лекарем, и готовые слова пропадали.

— Завтракать будешь здесь? — спросила она.

— За столом. Я хочу посмотреть бумаги до его прихода.

Нэлла вздохнула, однако спорить не стала.

В гостиной уже открыли ставни. На уличной стороне окна были видны следы вчерашнего дождя; у калитки женщина в переднике вытряхивала половик. За столом у окна осталось достаточно места для ног. Убранную вчера скамеечку поставили возле книжного шкафа.

Мне почему-то стало легче от того, что ее не вернули обратно.

На завтрак принесли мягкий сыр, хлеб и яйцо в маленькой чашке. Пока я ела, Нэлла пила чай, поглядывая на часы.

Нэлла достала из стола вчерашнюю папку. На этот раз я не стала сразу искать документ о разводе. Под ним лежали другие листы, сложенные вдвое, с подписями на обороте.

— Мне нужно знать, что у меня есть, — сказала я. — Этот дом мой? Или я могу жить здесь до какого-то срока?

Она развернула один из листов и показала строку.

— Твой. Видишь имя? Селеста Арлен. А здесь адрес. На обороте отметка, что вся сумма внесена.

Я прочитала документ. Некоторые обороты приходилось перечитывать, но смысл был понятен: дом вместе с участком принадлежал Селесте. Упоминания Адриана в этой бумаге не было.

— Он может потребовать его назад?

Нэлла отложила свой кусок хлеба.

— Нет. С чего бы?

— Я не знаю ваших порядков. Вдруг дом считается моим, пока я не сделаю что-нибудь, что ему не понравится.

— Развод завершен. И расчет тоже. — Она подвинула ко мне следующий лист. — У вас нет незаконченного соглашения, которое надо заново подписывать.

Я не заметила, что сижу, упершись ногами в пол, пока не смогла наконец вытянуть их под столом.

— Хорошо. А деньги?

С деньгами оказалось сложнее. Нэлла нашла небольшую тетрадь, где Селеста записывала расходы. Мне еще ничего не говорили здешние цены, и я попросила показать, сколько уходило на еду, отопление и помощь по дому. Нэлла провела пальцем по нескольким строкам, потом остановилась на сумме, которую я сперва приняла за стоимость дорогого платья.

— Это мне. За работу с переводом.

— Я тебе должна?

— За эту часть заплачено. Дальше мы еще не договорились: сначала ты собиралась пересмотреть второй акт.

Она сказала это привычно и только потом взглянула на папку с рукописью.

— Пока можно отложить, — добавила тише.

Я закрыла тетрадь не сразу. Мы сравнили остаток средств с расходами за последний месяц: если жить так же, денег хватит примерно на год. Во всяком случае, завтра мне не предстояло просить бывшего мужа оплатить обед или разрешить остаться под этой крышей.

Под тетрадью лежал лист с широкими полями, исписанными мелким почерком. В очередной сцене пьесы два человека спорили о том, кто должен уйти из комнаты первым. Внизу Селеста приписала: «Если он действительно хочет ее остановить, почему все время стоит у двери?»

Я перечитала пометку и невольно улыбнулась.

— Нашла что-то? — спросила Нэлла.

— Она... Я не понимаю, как они должны здесь двигаться.

Я успела поправиться, но Нэлла уже посмотрела на меня.

— Ты на этом и остановилась. Хотела сверить с более ранним текстом: может, потерялась ремарка.

Мне захотелось взять карандаш, наметить комнату и поставить двоих спорящих так, чтобы поведение сошлось с речью. Но сначала стоило прочитать пьесу целиком. Я отложила лист.

— Нэлла, я не смогу сегодня ответить ему на вопросы о нас, — сказала я. — Ты же понимаешь?

— Я написала об этом.

— Он может решить, что я притворяюсь.

Нэлла потерла ладонью лоб. На ней было вчерашнее платье; только ворот она сменила. Под глазами залегли тени, которые я заметила впервые: до этого слишком много смотрела на собственные руки, на бумаги, на незнакомые вещи.

— Может, — ответила она. — Я не знаю, что он решит. Но я видела тебя вчера. И останусь рядом, как ты просила.

Я подвинула к ней блюдо с хлебом. Ее завтрак тоже давно остыл.

После еды Нэлла устроилась у окна со своей работой. Я пробовала читать, однако все чаще поднимала глаза на часы. В половине одиннадцатого мне понадобилось воды, через пять минут захотелось проверить волосы. Я сходилa в спальню, увидела в зеркале неровно заколотую прядь и вернулась, так ее и не поправив.

Я не знала даже, с какой стороны стола сесть, чтобы не оказаться слишком близко к человеку, которому ничего не обещала.

За несколько минут до одиннадцати у дома остановилась карета.

Нэлла отложила перо.

— Я открою. Ты сиди.

Я все равно встала. Пока в прихожей звучали шаги, опиралась кончиками пальцев о спинку стула и старалась дышать так, чтобы это не было заметно.

Он вошел вслед за Нэллой, сняв перчатки.

Первое, что я увидела, — мокрый край темного дорожного плаща. Потом его лицо. Светло-каштановые волосы были убраны назад; у виска прядь сбилась, и он машинально пригладил ее рукой. Крупный рот, ровный нос, светло-карие глаза. Я успела подумать, что ему около сорока, и удивиться: почему-то за словами «бывший муж» мне представлялся человек старше.

Адриан остановился на пороге.

— Селеста. Мне сказали, ты упала в канал. Как ты себя чувствуешь?

Голос у него был ниже, чем я ожидала. Спокойный, чуть глуховатый. От этого простого вопроса я растерялась сильнее, чем от его появления: он произнес мое здешнее имя совершенно иначе, чем Нэлла. Без усилия, не проверяя, отзовусь ли я.

— Лучше, чем вчера. Здравствуйте.

Он перевел взгляд на мою руку, которой я все еще держалась за стул, и подошел. Я не сразу поняла, что он собирается сделать. Его пальцы уже были возле моих, когда я отступила и задела ножкой стула половицу.

Адриан остановился.

— Я хотел поздороваться.

— Я понимаю. Просто... пожалуйста, не прикасайтесь ко мне неожиданно.

Он опустил руку. Нэлла осталась возле двери, придерживая забранный у него плащ. Я слышала, как на кухне поставили что-то тяжелое на стол.

— Хорошо, — сказал Адриан. — Прости.

Я сглотнула. Ссадину под подбородком тянуло при каждом движении головы.

— И можно пока на «вы»? Вы меня знаете. А для меня вы человек, которого я вижу впервые. Я не хочу обидеть вас, но мне сейчас трудно даже понять, куда сесть.

Он посмотрел на свободное кресло, затем снова на меня.

— Конечно. Как вам будет удобнее.

В его голосе появилась сдержанность. Не зная, рассердился ли он, я села.

Адриан остался стоять, пока я не показала ему на кресло напротив.

— Пожалуйста. Нэлла побудет с нами.

— Да, разумеется.

Нэлла повесила его плащ в прихожей и вернулась к окну. Она не стала делать вид, будто занята рукописью. Подвинула стул к столу, положила на колени руки и приготовилась слушать.

Адриан сел. Теперь я могла разглядеть его без необходимости задирать голову. Темно-зеленый сюртук сидел свободно в плечах; на запястье белела узкая полоса рубашки. Он сложил перчатки, убрал их и только после этого вынул из внутреннего кармана конверт, очень похожий на мой.

— Нэлла написала, что вы почти ничего не помните, — сказал он. — Я могу прийти в другой день. В письме я просил о встрече, еще не зная, что случилось.

— Нет. Вы уже здесь, и я хочу разобраться. Только мне придется спрашивать вещи, которые кажутся вам очевидными.

— Спрашивайте.

Он положил конверт на край стола, откуда мне было удобно его взять. Я посмотрела на длинные пальцы с коротко остриженными ногтями. На тыльной стороне правой кисти виднелся тонкий светлый рубец.

Эта рука когда-то касалась женщины с моим лицом. Я подумала об этом без всякого намерения, и мне вдруг стало жарко в застегнутом платье.

— Вы бывали в этом доме? — спросила я, лишь бы не продолжать смотреть на него.

— Да. После переезда привозил бумаги.

— Вы сразу нашли гостиную.

— Она единственная выходит сюда двумя окнами. Я видел их с улицы. — Он помедлил.

— И стол стоял здесь, когда я приходил.

Адриан скользнул взглядом по папке возле моего локтя. Я положила на нее ладонь.

— Утром мы смотрели документы. Нэлла объяснила мне про развод. И про дом.

— Что именно?

— Что мне не нужно просить у вас разрешения здесь жить.

Он не ответил сразу. Я подняла глаза.

— Не нужно, — сказал он. — И раньше не нужно было. Это ваш дом.

— Мне важно было спросить.

— Я понимаю.

Я достала свое приглашение. На карточке Селеста улыбалась, чуть повернув голову. Адриан задержал на портрете взгляд, затем развернул свой экземпляр и положил рядом.

— Одинаковые, — сказала я.

— Каталог один. Кресс рассылает его людям, которых хочет видеть на продаже.

— Меня он тоже хочет видеть?

— Судя по приглашению, да.

— Чтобы я купила собственные вещи?

Адриан оперся предплечьями о колени.

— Я пока не знаю, на что он рассчитывает. Возможно, именно на это. Но если вы не передавали ему права на продажу, выкупать у него кристаллы не обязаны.

Я провела ногтем по тисненой линии, отделявшей портрет от текста. Бумага была дорогой и плотной. Кто-то заказал этот тираж, согласовал размер моего лица, выбрал, какие слова напечатать крупнее. Для этого человека Селеста уже стала частью товара.

— Вчера Нэлла сказала, что я не собиралась их продавать.

— Я сказала, что не слышала об этом, — мягко уточнила Нэлла. — Ты со мной такого не обсуждала.

— Да. Прости.

Я посмотрела на Адриана.

— Я не могу вспомнить, что решила до вчерашнего дня. Не хочу подписывать что-то только потому, что мне скажут: раньше вы так и собирались сделать.

— Не подписывайте, — ответил он. — Сначала нужно найти бумаги на сами предметы. Мастер, который делал записи, должен был оставить номера и сведения о владельце. По ним мы сможем установить, что именно предлагает Кресс.

— Этих воспоминаний действительно три? Не три коробки, не целый... сборник?

— Здесь указаны три отдельных оригинала. Каждый содержит один эпизод.

— А сколько людей могли их посмотреть?

Он слегка сжал пальцы.

— Этого я не знаю. Посмотреть чужой кристалл возможно, если есть подходящий прибор. Поэтому я и написал вам сразу.

— Вы их видели?

— У Кресса — нет. Сам каталог еще не доказывает, что все написанное в нем верно. Нужно проверить номера и происхождение записей.

— Но вы знаете, что было в нашем браке.

На слове «нашем» я запнулась. Адриан заметил это: взгляд от карточки вернулся ко мне.

— Знаю, — сказал он. — Только названия недостаточно, чтобы определить, какие минуты человек решил сохранить. Я могу предполагать. Не хочу выдавать это за точное знание.

Я перевернула карточку портретом вниз.

— Мне страшно узнавать все вот так. Из чужого приглашения. Вдруг я войду куда-нибудь, а люди уже будут знать обо мне то, чего я сама не знаю.

Нэлла пошевелилась на стуле. Адриан смотрел на меня, и впервые за все утро я не стала ни отводить глаза, ни искать приличную замену сказанному. Это действительно было страшно. Я не могла даже подготовиться к тому, за что меня будут жалеть или осуждать.

— Мы можем начать с того, чтобы эти записи перестали предлагать покупателям, — ответил он. — А когда вернем их, вы решите, хотите ли смотреть сами. Для возвращения вещей вспоминать наш брак не требуется.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять простоту этой мысли.

Вчера я уже представляла, как придется сидеть в темноте и смотреть чужую жизнь, пока она не станет хоть немного знакомой. Сейчас Адриан допускал, что я могу этого не захотеть.

— Вы поможете, даже если я ничего не вспомню?

Он нахмурился.

— Одно от другого не зависит.

Я перестала тереть край карточки. Адриан выдохнул и продолжил уже ровнее:

— Простите. Просто я не предлагал обмен. Эти записи касаются меня тоже. Я не хочу, чтобы Кресс продавал разговоры, на которых его не было.

Такой ответ мне было проще принять. У мужчины, сидевшего напротив, имелась собственная причина приехать.

Нэлла поднялась, когда в дверях появилась женщина с подносом. На стол поставили чайник, чашки и блюдо с ломтиками груши в сахаре.

— Я принесла и тот, с цветами, — сказала женщина. — Как обычно.

— Селесте его, пожалуйста, только некрепкий, — отозвался Адриан. — И грушу можно нарезать мельче.

Он сказал это, глядя на каталог. Я успела увидеть, как женщина потянулась за моей чашкой.

— Мне обычного чая, — попросила я. — Без сахара. И груши пока не надо.

Ее рука замерла над блюдцем.

— Вы ведь всегда...

— Сегодня я хочу другого.

Адриан поднял голову.

Нэлла взяла чайник у женщины и налила сама. Я благодарно кивнула: она избавила меня от необходимости еще раз отказываться от груши перед свидетелями.

Когда дверь закрылась, Адриан убрал каталог со стола.

— Я слишком привык знать, что вам нравится, — сказал он.

Я коснулась ручки чашки. Она была горячей.

— А мне от этого странно. Я еще не успела захотеть пить, а вы уже знаете, что я буду пить и чем закушу.

— Больше не стану заказывать за вас.

— Я не сержусь из-за чая. Просто утром мне пришлось выяснять, где в доме полотенца. И я до сих пор не знаю, какое из этих кресел считалось моим. А вы помните, что нужно нарезать грушу.

Я замолчала, потому что вдруг захотелось плакать. Чай оказался последней мелочью в длинном ряду чужих привычек, которые мне с утра осторожно предлагали вернуть.

Адриан потянулся было к чашке с другой стороны стола, но остановился.

— Она горячая. У ручки трещина.

Я повернула чашку. Тонкая темная линия действительно проходила у основания ручки.

— Эту тоже помните?

— Нет. Сейчас увидел.

Он посмотрел на Нэллу.

— Можно другую?

Я неожиданно рассмеялась. Слабо, совсем недолго, но напряжение в горле отпустило. Пришлось прижать салфетку к губам и подождать, пока я смогу говорить.

— Простите. Я уже собиралась спросить, сколько лет мы были женаты с этой чашкой.

Нэлла фыркнула, прикрыв рот рукой. Адриан несколько мгновений смотрел на меня, а потом у него появилась улыбка. Небольшая, заметнее в глазах, чем у рта.

— Судя по состоянию, дольше, чем со мной.

Я вновь посмотрела на трещину, чтобы не смотреть на его лицо.

Пока меняли чашку, он встал и отошел к свободному краю стола. Нэлла попросила подать чистую салфетку с полки. Он нашел ее не сразу: сначала открыл соседнюю дверцу, где стояли книги, потом прикрыл и взял то, на что она указала. Мне было приятно видеть, что этот уверенный человек тоже способен ошибиться шкафом.

Когда Адриан вернулся в кресло, я уже могла взять чашку обеими руками и сделать глоток.

— Вы правда можете превращаться?

Спросить оказалось проще, чем дожидаться ответа. Я смотрела на ширину его плеч, на рубашку под сюртуком, на совершенно человеческую руку, державшую фарфор, и ждала хотя бы улыбки. Какого-нибудь объяснения, что вчера мы с Нэллой друг друга не поняли.

— Могу, — ответил он.

Я поставила чашку. Нэлла молчала, не находя в его ответе ничего странного. Мне захотелось спросить, больно ли это и как он потом возвращается в человеческий облик, но я вдруг испугалась совсем другого.

— Я сейчас спрашиваю совершенно серьезно, — сказала я. — Вы можете понять, что человек думает? Или почувствовать, если он врет?

Адриан перестал улыбаться.

— Читать мысли я не умею. Если человек лжет, иногда могу заметить это по тому, как он говорит. Как и вы.

— Просто я ничего не помню о драконах.

Он кивнул. Мне стало стыдно за поспешное объяснение, но облегчение было сильнее стыда. Он не слышал, как я называю себя про себя. Не знал, о чем думаю, когда рассматриваю его руки.

— А чем вы занимаетесь? — спросила я, решив пока отложить остальные вопросы о драконах.

— Я королевский хранитель редкостей.

— Работаете с такими вещами, как эти кристаллы?

— В том числе. Коронные собрания, выставки, передача предметов на хранение. Проверка происхождения там, где в сделке участвует корона.

— Значит, вы знаете людей, которые смогут их забрать?

— Я знаю людей, которые помогут установить, откуда они взялись у Кресса. Это не совсем одно и то же.

— Но если они мои...

— Ваши личные вещи не входят в коронное собрание. Я не могу прийти к торговцу от имени короля и велеть отдать то, что раньше стояло у нас в доме. — Он подвинул к себе приглашение. — Тем более когда я сам указан в каталоге. Кресс первым делом скажет, что бывший муж пытается распорядиться вашим имуществом через вашу голову.

Я посмотрела на него внимательнее.

— А разве нет человека, который проверяет именно такие вещи? Кражи, незаконные продажи?

— Есть. И если записи оказались у него без вашего согласия, этим должен заниматься следователь. Сначала нужно понять, какие документы у нас есть и что заявляет сам Кресс.

— Мне придется поверить вам в том, что касается нашего брака. Не хотелось бы еще и на все остальные вопросы получать ответ только от вас.

Нэлла опустила чашку. Адриан выдержал мой взгляд.

— Поэтому я и хотел предложить Феликса Далена. Он независимый мастер памяти. Оценивал вещи и для меня, и для людей, с которыми я не согласен. Его трудно убедить, что номер на оправе изменится, если с ним поспорить.

— Вы уже договорились?

— Нет. Хотел сначала спросить вас.

— Я согласна поговорить с ним, — сказала я. — Но это пока все, на что я согласна. Я не знаю, сколько смогу сделать и захочу ли идти к этому торговцу.

— Встреча с мастером ни к чему такому вас не обяжет.

— И Нэлла может пойти со мной?

— Конечно.

Я повернулась к ней.

— Если у тебя получится. Я опять спросила за тебя.

— Получится, если договоримся заранее, — ответила Нэлла. — Завтра у меня работа с утра. Послезавтра свободнее.

Адриан достал небольшой блокнот и записал имя мастера, затем оторвал лист.

— Я узнаю, сможет ли Дален принять нас послезавтра. Напишу сюда. Если к этому времени вам будет тяжело ехать, спросим, может ли он приехать сам.

Под именем стоял адрес мастерской. Я положила лист к приглашению.

— За работу ему нужно заплатить? — спросила я.

— Да. Уточню стоимость консультации.

— Напишите и ее тоже.

Он чуть наклонил голову.

— Хорошо.

Адриан закрыл блокнот. Я поймала себя на том, что опять рассматриваю его, и на этот раз не стала сразу отворачиваться.

Когда он чуть повернул голову, в волосах над виском проступил теплый золотистый оттенок. Возле глаз были тонкие морщины. Он выглядел человеком, который мало спал и собирался прожить длинный день; на идеально выбритом подбородке остался крошечный порез.

Потом его взгляд упал на мой рот, и я перестала думать так складно.

— Под подбородком еще болит? — спросил он.

Я осторожно коснулась ссадины.

— Когда поворачиваюсь. Лекарь сказал, ничего страшного.

Он кивнул и посмотрел на часы.

— Я вас утомил. Давайте на сегодня закончим.

— Мы еще не все обсудили.

— Остальное можно написать. Вы уже несколько минут стараетесь устроить руку поудобнее.

Я не заметила, когда прижала локоть к боку, поддерживая ноющее плечо. Теперь, стоило ему сказать, усталость стала почти неудобной: я успела забыть о ней, пока спрашивала про драконов и разглядывала его лицо.

— Пожалуй, вы правы.

Адриан поднялся, забрал свой каталог и замялся возле стола. Мне показалось, что он хочет спросить что-то еще. Он взглянул на Нэллу, но та осталась сидеть.

— Вы действительно не узнали меня? — спросил он наконец.

— Нет, — сказала я. — Я не помню нашей совместной жизни. Не знаю, что вы сейчас ждете от меня услышать. И боюсь согласиться с чем-нибудь из вежливости, а вы решите, что я вспомнила.

Он стоял совсем неподвижно. Взгляд задержался на моем лице так долго, что я опустила глаза.

— Не нужно соглашаться, — ответил он. — Если что-то непонятно, спрашивайте. Как сегодня.

Мне хотелось утешить его. Я ненавидела это свое желание, потому что утешить его могла, только притворившись женщиной, которой не была. Протянуть руку, позволить знакомое прикосновение, перестать говорить «вы». Любой из этих жестов он имел право понять неправильно.

Я взяла лежавший на столе адрес.

— Тогда я буду ждать письма о мастере.

— Напишу, как только получу ответ.

Нэлла проводила его до прихожей. Я слышала, как он поблагодарил ее за то, что осталась со мной, и спросил, нужно ли прислать что-нибудь из города. Она ответила, что все необходимое есть.

Я не вышла следом. Когда за дверью стихли шаги, позволила себе откинуться на спинку кресла. Чашка осталась почти полной.

Нэлла вернулась и собрала блюда.

— Ляжешь?

— Через минуту. Посиди со мной, пожалуйста.

Она вернула на место свой стул. Я посмотрела на дверь, потом на оставленный Адрианом листок.

— Он рассердился?

— Ты же видела его. Мне показалось, он скорее растерялся.

Я никак не могла перестать вспоминать, как он стоял передо мной, когда я сказала, что его не узнаю. Мне хотелось попросить у Нэллы прощения за этот разговор, хотя и она меня ни в чем не обвиняла.

Я убрала адрес в папку с приглашением и позволила Нэлле помочь мне дойти до спальни. Снимать платье не стала, только расстегнула манжеты и улеглась поверх покрывала. Нэлла спросила, закрыть ли дверь. Я попросила оставить щель: так было слышно, как она ходит по дому.

Я думала, что не засну, пока в голове столько вопросов, но проснулась уже после обеда. От неудобно подвернутого рукава на коже отпечатались складки.

Нэлла сидела в гостиной со своей рукописью. Возле ее локтя лежала короткая записка от Адриана. Я узнала почерк прежде, чем прочитала имя.

Феликс Дален мог принять нас послезавтра в полдень. Адриан указал стоимость консультации и написал, что нас будут ждать троих. Если мне станет хуже, мастер согласен приехать домой, но об этом следовало сообщить накануне.

Я перечитала записку. Ни вопроса о том, узнала ли я еще что-нибудь, ни просьбы вспомнить хоть какую-нибудь подробность.

— Тебе это время подходит? — спросила я Нэллу.

Она взглянула на лист.

— Да. Успеем спокойно собраться.

— Тогда ответим, что приедем.

До вечера я больше ничего важного не сделала. Поела, вымыла лицо, долго распутывала волосы. Нэлла показала, как заколоть их так, чтобы пряди не тянули кожу у висков. Со второй попытки у меня получилось терпимо.

Перед сном мне опять захотелось позвонить маме. Рассказать хотя бы про нелепую чашку, раз уж про остальное я все равно не сумела бы подобрать слов. Я поймала себя на том, что составляю начало разговора: «Ты только не пугайся, со мной все нормально». Мама никогда не верила такому началу. Я бы тоже не поверила.

Вместо звонка я попросила Нэллу разбудить меня, прежде чем она уйдет утром на работу.

Она удивилась, но пообещала.

На следующий день завтракать я вышла без ее помощи. Плечо еще ныло, зато голова не кружилась, когда я вставала. Это было настолько ощутимым улучшением, что я решила сама убрать посуду со стола. До кухни дошла, а обратно принесла воду: женщина, помогавшая по дому, без всякого спора забрала у меня тарелки и сунула в руки кувшин.

Нэлла собирала листы в сумку.

— Я вернусь после обеда. Ты точно справишься?

— Мне нужно только сидеть и читать. Бумаги от переезда тоже здесь, в столе?

— Посмотри внизу. Там две папки с завязками. Только не доставай сама весь ящик, он тяжелый.

Я пообещала. Нэлла обняла меня перед уходом, коротко, одной рукой за плечи. Я успела напрячься и тут же обняла ее в ответ. Поблагодарить за два дня мне хотелось давно, но все слова получались либо слишком маленькими, либо такими торжественными, что я не решалась их произнести.

— Спасибо, что была здесь, — сказала я ей в воротник.

— Я после обеда вернусь, — повторила она и чуть крепче прижала меня к себе.

Я проводила ее до двери. На улице уже высохало крыльцо; у соседнего дома переставляли горшки с мелкими розовыми цветами. Я постояла на пороге, чувствуя, как остывает воздух под расстегнутым воротом, потом вернулась в гостиную.

Без Нэллы дом стал непривычно тихим. Пока на кухне работали, это почти не замечалось, но потом перестали звенеть тарелки и закрылась входная дверь. Я услышала, как щел-

кает пружина в часах. Несколько минут просто сидела, прислушиваясь, прежде чем смогла заняться делом.

В нижнем ящике действительно лежали две папки. Верхняя оказалась набита счетами и короткими записками: договориться о доставке шкафа, забрать оставленные книги, проверить стекло в рамке. Селеста отмечала выполненное маленькими косыми черточками. Рядом с заказом бумаги стояла сумма и приписка: «На тонкой слишком сильно проступают исправления».

Я провела пальцем по строке и посмотрела на листы Нэллы, оставленные сохнуть на отдельной полке. Теперь я знала, почему они такие плотные.

Вторая папка была перевязана шнурком. Я распустила узел и обнаружила несколько тетрадных листов, вложенных между официальными бумагами. Сперва отложила их, потом все-таки взяла верхний.

Это был список дел. Найти переплетчика, написать в театр, сверить два экземпляра пьесы. Ниже Селеста составила короткое письмо о своих переводах и перечеркнула первые две строки. Следующий вариант начинался с названия пьесы; извинение за беспокойство она убрала.

Мне стало неловко, как будто я увидела, как человек переодевается, не заметив меня в комнате.

Я попыталась представить ее за этим столом. Темные волосы убраны, рядом чашка с цветочным чаем, Нэлла спорит над очередной репликой. Но за этими подробностями я пока не могла увидеть живую женщину.

Я сложила черновик отдельно. Переписывать его от своего имени мне не хотелось. Зато хотелось, чтобы он не потерялся среди счетов.

Папку я разбирала медленно, с перерывами. До обеда добралась только до ее середины. Нашла квитанции, на которых не смогла сразу разобрать назначение платежа, и положила их на свободный край стола, чтобы спросить Нэllu. На некоторых листах встречалось имя Адриана. Я всякий раз задерживала взгляд, хотя бумага могла касаться самого скучного расчета.

После вчерашнего оно уже значило для меня что-то помимо пяти неизвестных лет. Я помнила голос, улыбку из-за чашки, маленький порез на подбородке. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, мне захотелось бы увидеть его еще раз.

Признать это оказалось легче в пустой комнате. Здесь хотя бы никто не мог принять мой интерес за возвращение прежних чувств.

Нэлла пришла, когда я ела принесенный с кухни суп. Она разулась в прихожей, вытащила из сумки завернутую в бумагу теплую булку и положила на стол.

— С сыром. В пекарне у мастерской уже почти ничего не осталось.

Я отломил кусочек и обнаружила внутри тонко нарезанный лук. Он был мягким и сладковатым, корочка соленой. От следующего кусочка я удержалась только потому, что Нэлла еще не успела сесть.

— Тебе половину?

— Мне меньше. По дороге уже одну съела.

Мы поделили булку. Нэлла спросила, как прошел день, и я показала ей разобранные бумаги. Листы, касавшиеся пьес, она отнесла к рукописи, потом забрала пустые тарелки. Я подтянула оставшуюся папку. Под сложенной описью лежал тонкий сероватый лист, исписанный только с одной стороны.

Я увидела в первой строке имя Селесты и слово «пропажа».

Сперва подумала, что это еще одна записка о вещах, оставленных в прежнем доме. Прочитала дальше, вернулась к началу и расправила лист на столе.

— Нэлла, подойди, пожалуйста.

Она вышла из кухни, вытирая руки.

— Что там?

Я показала ей дату.

— Это когда было?

Нэлла наклонилась и некоторое время считала, глядя на календарь над столом.

— Больше двух месяцев назад. А что?

Я подвинула ей лист.

Селеста сообщала о пропаже коробки с тремя кристаллами памяти после перевозки личных вещей. Просила разыскать принадлежащее ей имущество. Ниже перечислялись предметы. Я узнала названия, которые вчера рассматривала рядом с Адрианом, и достала приглашение, чтобы проверить каждое.

«Зимний сад».

«Рукопись».

«Вечер Золотого дома».

Нэлла села рядом со мной.

— Я этого не знала, — сказала она. — Переездом я не занималась. Когда впервые сюда пришла, вещи уже стояли.

Я снова прочитала заявление. Особенно медленно — строку о том, что владелица никому не передавала права распоряжаться записями.

Вчера я не могла уверенно ответить Адриану, собиралась ли Селеста продать свои воспоминания. Теперь ее ответ лежал передо мной. Написанный задолго до каталога, до падения в канал и до того, как мне понадобилось что-то доказывать.

— Оригинал она отдала? — спросила я. — Или это письмо так и осталось здесь?

Нэлла повернула лист к свету и показала мне маленькую печать в нижнем углу.

— Это ее экземпляр. Видишь? Здесь отметка о приеме и номер дела.

Я провела ладонью по краю, который все время загибался. Селеста уже просила вернуть свое. Ее заявление приняли. Пока я разглаживала бумагу, Нэлла убрала со стола красивую карточку с моим портретом, и я наконец смогла прочитать написанное без этого лица перед глазами.

Глава 2. Три украденных воспоминания

Адриан прочитал заявление дважды. В первый раз быстро, во второй — придерживая пальцем загнутый край. Потом перевернул лист, посмотрел на отметку о приеме и спросил:

— Где оно лежало?

— В бумагах от переезда. Мы нашли его вчера после обеда.

Нэлла подвинула к нему папку. Вечером она отправила посыльного с известием о находке и просьбой приехать пораньше. До встречи с Феликсом оставалось полтора часа; я уже оделась и теперь сидела за столом в пальто, потому что от волнения никак не могла согреться.

Адриан положил заявление рядом с приглашением.

— Она уже тогда знала, что пропало, — произнес он почти вполголоса.

Я подняла глаза. Он тоже посмотрел на меня и поправился:

— Вы перечислили все три записи. И сообщили, что не разрешали никому их продавать.

— Значит, теперь можно требовать их назад?

— Теперь у нас есть дело, к которому можно приложить каталог. Это гораздо лучше, чем спорить с Крессом по письмам.

Нэлла наклонилась над второй папкой.

— Здесь опись. Я вчера сверила названия вещей, но с этими отметками не разобралась. Посмотрите, пожалуйста.

Адриан освободил середину стола. Нэлла уже успела прочитать все, что осталось после вчерашнего дня. Я видела ее закладки и аккуратно выписанные вопросы.

— Вот, — она показала на строку. — Коробка с личными записями. Три штуки. А в конце написано: «Принято по наружному осмотру».

Я подалась вперед.

— Это значит, Селеста... я получила все три?

— Нет, — ответил Адриан. — Это расписка перевозчика. Он принял закрытую коробку, не проверяя содержимого.

Он показал на соседнюю строку. Книжки пересчитали по отдельности, а рядом с коробкой стояла лишь короткая отметка о целой обертке.

— Я бы подписала такое и решила, что человек отвечает за все внутри, — призналась я.

— Он отвечает за то, что ему передали, — сказал Адриан. — Но сначала придется выяснить, кто и когда получил коробку из его рук. Этой бумаги недостаточно, чтобы обвинить его в краже.

Внизу была размашистая подпись. Я смогла разобрать имя, а фамилию прочитала только со второй попытки.

Юст Лаан.

— Вы его знаете?

Адриан покачал головой.

— Я знаю контору, в которой он тогда работал. Ей поручили перевозку. Лично с Лааном я не встречался.

Нэлла нашла квитанцию той же конторы и положила ее к описи. Я еще раз прочитала расписку, затем заявление. Теперь мне было понятнее, что мы несем Феликсу.

— Вы знали о пропаже? — спросила я.

Адриан медленно опустил руку на стол.

— Нет.

Я не стала спрашивать, почему Селеста не сообщила ему. Наверное, он тоже сейчас об этом думал: слишком долго смотрел на дату, прежде чем собрать бумаги.

Мне самой было жаль женщину, которая после развода разбирала свои вещи и обнаружила, что несколько минут ее жизни исчезли вместе с коробкой.

— Пойдемте? — предложила Нэлла. — Карета ждет. Лучше приехать немного раньше, чем торопиться на лестнице.

Я поднялась, нащупала в кармане кошелек и проверила застежку сумки. Адриан взял папку, которую я ему протянула, а свободную руку оставил возле подлокотника, пока я обходила стул. Помощи он не предложил, но, когда меня слегка повело, я успела опереться на его предплечье.

— Спасибо. Уже прошло.

Он подождал, пока я выпрямлюсь, и только после этого двинулся к двери.

На улице было прохладно. Возле ступенек кареты я задержалась, прикидывая их высоту. Адриан встал сбоку и подал ладонь так, чтобы я ее видела. Я приняла ее и поднялась. Его пальцы были теплыми, твердыми; я отпустила их, уже оказавшись внутри, и села рядом с окном.

Нэлла устроилась напротив. Адриан сел возле нее, положив папку на колени.

Первые несколько минут я старалась смотреть прямо перед собой, чтобы не укачало. Потом любопытство все-таки взяло верх. Над вывеской одной из лавок покачивался светлый шар. Он держался в воздухе без проволоки, и я проводила его взглядом, пока дом не скрылся за поворотом.

— Что там? — спросила Нэлла.

— Лампа. Она висит просто так?

— На удерживающем камне. У ювелиров почти у всех такие.

Мне захотелось выйти и посмотреть на эту лампу поближе. Я даже приподнялась, стараясь разглядеть ее через заднее стекло, но карета уже повернула к площади.

— Здесь недалеко, — сказал Адриан. — Мастерская за площадью.

Феликс Дален занимал первый этаж дома с узкими высокими окнами. Возле двери висела латунная табличка; под его именем значились оценка, проверка и сохранение записей.

Нам открыл сам мастер. Невысокий, седоватый, в жилете поверх рубашки с закатанными рукавами. На переносице у него остался след от очков, которые он держал в руке.

— Добрый день. Проходите. Пальто можно оставить здесь, а бумаги положите на стол. Только подальше от левого края: я пролил воду и еще не все вытер.

Я сразу посмотрела на этот край. Феликс проследил за моим взглядом и забрал оттуда влажную тряпку.

— Теперь точно можно.

Адриана он приветствовал коротким рукопожатием. Нэлла представилась, а когда очередь дошла до меня, я назвала только здешнюю фамилию. Феликс не стал ни всматриваться в мое лицо, ни говорить, как рад видеть меня оправившейся.

Он подождал, пока мы сядем, и обратился ко мне:

— Господин Вейр написал, что вам нужно проверить три записи из каталога Кресса. И что вы не помните, как ими пользовались. С чего начнем: с документов или с самого прибора?

— С прибора, если можно. Я уже прочитала столько о вещах, которых ни разу не видела, что начинаю путаться.

Феликс отложил очки.

— Тогда пройдемте сюда.

За плотной шторой находилась небольшая комната. На низкой тумбе стояло устройство из двух металлических колец, закрепленных одно внутри другого. Под ними темнела плоская чаша. Никакого экрана я не заметила.

Феликс достал из ящика прозрачный камень в узкой оправе. Он был чуть длиннее моего большого пальца, с голубоватой полосой в глубине.

— Это моя учебная запись. Жена не возражает, что я показываю ее посетителям мастерской. Чужих личных записей без разрешения вы здесь не увидите.

Он положил кристалл в чашу и повернул внутреннее кольцо.

Между ободами появился свет. Сначала тонкая белая полоса, затем расплывчатое пятно. Я успела решить, что нужно подождать, пока устройство прогреется, но пятно развернулось в изображение так внезапно, что я вцепилась в край стула.

Передо мной был сад.

Темная земля, приготовленная яма и молодое дерево с корнями, обернутыми мешковиной. Возле него стояла женщина в подвязанной юбке. Она убрала волосы со лба тыльной стороной ладони, оставив на коже след земли, и посмотрела прямо на меня.

— Феликс, держи ровнее. Из окна будет видно, если криво посадим.

Изображение качнулось. Внизу мелькнула мужская рука, обхватившая тонкий ствол.

Я откинулась назад и задела плечом спинку. Комната никуда не исчезла: справа сидела Нэлла, слева я краем глаза видела рукав Адриана. Но голос женщины раздался так близко, будто она действительно ждала от меня помощи.

— Теперь хорошо, — сказала она, отступая. — Только не отпускай. Мне еще за лопатой сходить.

— Ты мне уже третий раз говоришь, что все готово, — ответил Феликс с записи.

Женщина рассмеялась и вышла из изображения. Остались дерево, пустая дорожка и кусок изгороди. Где-то рядом скрипнула дверь.

Свет погас.

Я продолжала смотреть между кольцами.

— Можно еще раз? — спросила наконец.

Феликс вновь повернул обод. Молодое дерево появилось в ту же секунду, под тем же углом. Женщина подняла руку, вытерла лоб, попросила держать ровнее.

На этот раз я смотрела на мужские пальцы, обхватившие ствол, и слышала, как рядом со мной тихо дышит настоящий Феликс.

— Это то, что вы видели? — спросила я, когда он остановил запись.

— Видел и слышал. В тот день мы с женой посадили грушу. Я сохранил эту минуту через несколько дней, пока хорошо ее помнил.

— А можно увидеть, куда она пошла за лопатой?

— Я этого не видел. Там ничего нет.

Я посмотрела на погасшие кольца. Никакого сада за ними не было; светлая стена мастерской оставалась на месте. Мне понадобилось еще немного времени, чтобы перестать ждать возвращения женщины.

Феликс вынул кристалл и протянул мне на раскрытой ладони.

Я взяла его осторожно. Металл оправы успел согреться, а сам камень остался прохладным. Голубоватая полоска внутри не двигалась, сколько бы я его ни поворачивала.

— Вы по-прежнему помните этот день? — спросила я. — Даже если что-то случится с кристаллом?

— Конечно. Запись ничего у меня не забрала. Если разбить камень, будет жаль работы, но я не забуду, как мы сажали дерево.

Я вернула ему камень. Адриан все это время сидел тихо. Когда я повернулась к нему, он спросил:

— Слишком много сразу?

— Немного. Я представляла картинку. А там человек говорит, поворачивается... Выглядит совсем живым.

Феликс убрал кристалл в ящик.

— Некоторые посетители просят меня оставить им голоса родителей. Тогда я сначала объясняю, что с записью нельзя поговорить. Она повторит одни и те же слова, сколько ни включай.

У меня сжалось горло. Я посмотрела на край тумбы, на маленькую вмятину возле крепления, и сосредоточилась на ней, пока не смогла ответить.

— Понимаю.

— Спешить с просмотром своих записей не нужно, — продолжил Феликс. — Если вы их не узнаете, это еще не значит, что с вами что-то не так. Вы будете смотреть на них из этой комнаты. Запись не заставит вас снова прожить то же самое.

Я кивнула с облегчением. Мне не хотелось, чтобы голос Селесты возник у меня в голове. Достаточно было того, что окружающие ждали услышать его из моего рта.

Мы вернулись к столу. Пока мастер надевал очки, я еще раз оглянулась на штору.

— Вы сказали, записали тот день почти сразу. А позже уже нельзя?

— Позже труднее получить устойчивую запись. Тридцать дней — предел, с которым я работаю. И то человек должен ясно помнить сам эпизод. Из давних рассказов о том, что когда-то случилось, кристалл ничего надежного не соберет.

Я положила ладони на колени. Сцену в театре я помнила. Помнила, как стояла на краю, прежде чем раздался удар, и как перед этим тянулась к пульту, проверяя свет.

Но спрашивать об этом при Нэлле и Адриане я не стала.

Феликс разложил бумаги. Квитанции от мастера обнаружились во внутреннем сгибе описи: три маленьких листка, которые я приняла за часть расчетов по переезду. Он расправил их ладонью, прочел и поднес ближе к окну.

— Здесь есть номера и знак мастерской, — сказал он. — Названия могут совпасть у десятка владельцев. Сопоставлять будем по этим отметкам.

Он выписал на чистый лист три строки. Я придвинулась, чтобы читать вместе с ним.

«Зимний сад» — P-1846.

«Рукопись» — P-3291.

«Вечер Золотого дома» — P-3714.

— Вот это уже полезно, — произнес Адриан.

— Полезно будет, когда я сверю записи в мастерской, — ответил Феликс. — Сейчас у нас три квитанции с именем госпожи Арлен. Подлинность самих кристаллов я подтверждаю только после осмотра.

Он говорил буднично, без желания спорить. Адриан кивнул и отодвинул от него свой локоть, чтобы освободить место для второго листа.

Я показала на каталог.

— А если Кресс переписал то, что было внутри? Может, там вообще ничего похожего на эти названия.

— Переписать готовый оригинал нельзя. Показать кусок вместо полной записи — можно. Рассказать перед просмотром что-нибудь, что изменит ваше мнение об увиденном, — тоже.

Феликс взял со стола линейку и провел ею под последней строкой своего списка.

— Допустим, я покажу вам только жену с лопатой и скажу, что она гонится за мной по саду. Изображение останется настоящим, а объяснение будет ложью. Поэтому я прошу смотреть записи целиком, если вам предлагают на их основании поверить в чужую вину.

Я едва заметно улыбнулась. Еще минуту назад та женщина казалась мне очень сердитой, хотя просто хотела посадить дерево ровно.

— Получается, кристалл не подтверждает, что его владелец имеет право им торговать?

— Совершенно верно. Этот вопрос нужно решать по документам. Прибор откроет украденную запись точно так же, как мою.

Я посмотрела на Адриана.

— А копии? Даже если все вернут, могут остаться другие.

— Других кристаллов с тем же воспроизведением быть не может, — ответил Феликс. — Попытка сохранить показ дает световую рябь. Моя жена в нем не появится. Но человек может пересказать увиденное, записать слова на бумаге. Забрать у зрителей то, что они уже запомнили, мы не сумеем.

Адриан провел пальцем по краю каталога.

— Поэтому важно выяснить, кому Кресс успел их показать.

Мне не понравилось, что нужно будет задать еще и этот вопрос. Но хотя бы не придется искать сотни одинаковых камней в незнакомом городе.

Феликс выдал нам лист с номерами, записал адрес для ответа и попросил разрешения сделать выписки из квитанций. Пока он работал, я достала кошелек. Уплатить ему самой оказалось удивительно приятно: я наконец сделала что-то, для чего не требовалось помнить прошлое Селесты.

Когда я застегивала сумку, Феликс спросил, не осталось ли вопросов.

— Если мне понадобится сохранить свое воспоминание, можно обратиться к вам? — произнесла я, глядя на него.

— Можно. Но сначала я хотел бы услышать, что именно вы хотите записать. Иногда человек просит слишком много от одного короткого эпизода.

— Я пока только спрашиваю.

Он не стал настаивать и протянул мне карточку мастерской. Я убрала ее в отдельный карман.

На улице мне пришлось остановиться у стены. После полумрака кабинета дневной свет казался слишком ярким. Я стояла, прикрыв глаза, пока Нэлла поправляла у меня воротник, а Адриан разговаривал с возницей.

— Доедем до следователя или сначала домой? — спросил он, вернувшись.

Я посмотрела на папку у него под мышкой. Номер дела Нэлла еще утром переписала отдельно. Если сейчас вернуться в спальню, я до вечера буду представлять, как кто-нибудь поворачивает кольцо прибора и слушает чужой семейный разговор.

— Доедем. Только я сяду, пока вы договоритесь, можно ли нас принять.

— Хорошо. Там есть приемная.

В приемной пахло влажной шерстью и чернилами. Нэлла помогла мне снять пальто, а Адриан отдал служащему записку с номером дела и вернулся ждать вместе с нами. Пока нас не приглашали, я читала объявление о потерянных вещах. Услышав фамилию Арлен, сначала посмотрела на Нэллу и только потом поднялась.

Следователь оказался худощавым мужчиной с коротко подстриженными волосами. Он представился Иво Марном и попросил показать документы. Адриану достался такой же стул, как нам с Нэллой. Свою папку Марн открыл еще до того, как узнал его должность.

— Да, заявление у меня, — сказал он. — Госпожа Арлен, вы сообщили о пропаже коробки после переезда. Удалось найти вещи?

Я положила перед ним приглашение.

— Кажется, их собираются продать.

Он прочел карточку. Сравнил ее с листом, который достал из дела, и попросил показать остальные бумаги.

Пока Марн читал, я смотрела на подпись Селесты внизу заявления. Она уже приходила в этот кабинет. Интересно, села на тот же стул, что и я?

— Я не помню, как подавала заявление, — сказала я. — Несколько дней назад у меня был несчастный случай. Мне придется спрашивать о том, что вы уже знаете.

Марн положил перо.

— Что именно вы помните о перевозке?

— Ничего. Все, что я могу сейчас показать, мы нашли дома. Я не хочу случайно подтвердить то, чего сама не помню.

— Хорошо, я это отмечу. Ваше прежнее заявление от этого не исчезает. В нем достаточно подробностей, чтобы продолжить проверку.

Нэлла рассказала, как мы нашли папку. Адриан — когда получил каталог и почему попросил о встрече. Я слушала, стараясь не перебить там, где хотелось поскорее перейти к кристаллам.

— Вы уже искали этого человека? — спросила я, когда следователь взял опись. — Юста Лаана?

— Контору проверяли. Возницу опросили. Он подтвердил поездку и выгрузку вещей, но отдельную коробку с записями не запомнил. Лаан к тому времени из конторы ушел. Адрес, который там оставался, оказался старым.

— И дальше ничего?

Вопрос прозвучал резче, чем я собиралась. Марн посмотрел на меня без раздражения.

— Проверяли места, где записи могли предложить. По имевшемуся тогда описанию ничего не нашли. Теперь появился торговец, который сам объявил о них. Это новый след. — Он придвинул каталог к краю своего стола. — Я направляю ему запрос и отдельно проверю номера. Мне понадобится ваш экземпляр приглашения.

Я взялась за карточку, прежде чем поняла, что делаю. Марн подождал.

— Мне дадут подтверждение, что вы ее взяли?

— Конечно. И перечень остальных документов, которые оставите.

Я отпустила бумагу.

Когда мы вышли, в сумке лежала расписка за оставленные документы.

В карете я закрыла глаза и больше не смотрела на вывески. Нэлла предложила заехать за обедом, но я попросила отвезти меня домой. После поездки мне хотелось снять пальто, лечь и некоторое время ничего не понимать.

Адриан проводил нас до двери. Я все еще держала папку у груди, хотя часть бумаг уже оставила следователю.

— Спасибо, что поехали со мной, — сказала я.

— Я сам заинтересован в этих записях. Помните?

— Помню. Но сегодня вы могли отправить помощника.

Он чуть приподнял брови.

— Мог. Вам было бы так спокойнее?

Я посмотрела на его лицо. Теперь я знала, как он ждет в приемной, как разговаривает с мастером и что делает, когда я признаюсь в незнании. Менять его на еще одного незнакомца не хотелось.

— Нет. Я рада, что приехали вы.

Он помолчал, затем улыбнулся.

— Тогда до следующего письма. Отдыхайте.

Я вошла в дом и только возле спальни заметила, что до сих пор улыбаюсь сама.

На следующее утро от Феликса принесли короткое заключение: записи в книге мастерской совпали с нашими квитанциями. Все три кристалла изготовили для Селесты. Я перечитала лист и отнесла его Нэлле, еще не закончившей завтрак.

Позже пришло приглашение от Марна — зайти после полудня, если я смогу. Нэлла собиралась отвезти исправленные листы заказчику и предложила отложить работу, но я покачала головой.

— Я поеду с Адрианом. Вчера уже была в этом кабинете. Справлюсь.

— Тогда пусть привезет тебя сразу домой, если устанешь. Не обязательно успевать все за день.

Я пообещала не геройствовать и отправила посыльного к Вейру. Он ответил, что заедет за мной.

В этот раз я ждала его у двери. Собралась быстро, даже волосы удалось заколоть без посторонней помощи. Пока ехали, Адриан расспросил, как прошла ночь. Я показала ему заключение мастера, и он прочитал его, придерживая лист на колене.

У Марна лежал новый лист. Я увидела сверху имя Эдмона Кресса и сразу придвинула свой стул ближе.

— Два предмета уже проданы, — сказал следователь. — «Зимний сад» и «Рукопись». Покупательница — госпожа Эльза Луар.

— Но торги еще не состоялись.

Марн развернул наш каталог и показал строчку внизу, которую я прежде пропускала. Вещи разрешалось покупать до назначенного вечера по отдельной договоренности. Я перечитала условие и почувствовала себя обманутой, хотя оно все время было перед глазами.

Адриан наклонился над столом.

— Продажа подтверждена?

— Кресс указал ее в ответе на запрос. Покупку проверим отдельно у Луар. Третий кристалл, по его утверждению, остается в его распоряжении.

— Он сказал, откуда они у него? — спросила я.

Марн подвинул ко мне еще один лист.

Это была копия согласия на продажу. Внизу стояло имя Селесты Арлен.

Я несколько секунд смотрела только на него.

Подпись походила на ту, которую я видела дома. Настолько, что сперва я испугалась: вдруг Селеста действительно передумала? Подала заявление, потом нашла вещи и зачем-то разрешила их продать? Я не знала ее достаточно хорошо, чтобы уверенно сказать, как она могла поступить.

Потом я прочитала текст. Он сообщал, что кристаллы переданы торговому дому добровольно и претензий к показу записей у владелицы нет. Дата стояла недавняя — за две недели до моего появления.

— Я не могу сказать, что подписывала это, — произнесла я. — Но и узнать собственную подпись так, как вы от меня ждете, тоже не смогу.

— От вас не требуется угадывать, — ответил Марн. — У нас есть ваше прежнее заявление и образцы письма. Их проверят. Важно и то, кто видел подписание, и то, как передавались сами вещи. Кресс должен представить оригинал этого согласия.

Я вновь посмотрела на поддельную или настоящую подпись. На Земле у меня была быстрая, почти неразборчивая закорючка. Здесь чужой человек мог расписаться моим новым именем убедительнее меня.

Адриан сидел молча, пока я не подняла глаза.

— Я не знаю, чему теперь верить, — призналась я.

— Пока ничему из того, что не проверено, — сказал он. — Старое заявление никуда не делось. И законного происхождения кристаллов одна эта копия не доказывает.

— Можно остановить показы, пока вы разбираетесь? — спросила я Марна. — Если мы будем ждать, кому-нибудь покажут еще одну запись.

— Я направил уведомление о том, что право на продажу оспаривается. Но для изъятия оригинала мне нужно установить, где он находится, и получить основание на конкретные действия. Кресс пока прислал бумаги. Сам кристалл не предъявил.

— А Луар? Она может его перепродать?

— Я отправил ей уведомление. Если она согласится предъявить покупки добровольно, проверка пойдет быстрее.

Адриан посмотрел на меня.

— Я знаком с госпожой Луар. Могу попросить о встрече.

Марн кивнул.

— Попросить можете. Только прошу не приезжать с требованием все немедленно выдать. Мне нужны и ее бумаги о покупке, и возможность осмотреть предметы. Если у нее было основание считать продажу законной, лучше сразу выяснить, что именно ей показали.

Я убрала руки со стола. Мне как раз хотелось приехать и потребовать. В голове звучала женщина из вчерашней записи: «Из окна будет видно, если криво посадим». Такой пустяк, такая личная интонация. Кто-то мог точно так же слушать Селесту — не спрашивая ее и не собираясь останавливаться.

— Я поняла, — сказала я. — Мы постараемся договориться.

Марн оставил у себя заключение Феликса и попросил сообщать о каждом новом письме от торгового дома. Я взяла расписку и положила к остальным бумагам.

На улице я остановилась возле кареты, не сразу решившись сесть. После кабинета хотелось воздуха.

— Вы голодны? — спросил Адриан.

Я посмотрела на него с удивлением. Он кивнул на часы у входа.

— Уже довольно поздно. Мы можем поесть, прежде чем я отвезу вас домой.

— Здесь есть что-нибудь поблизости? Ехать через весь город не хочется.

— За углом готовят хороший пирог. И там можно спокойно посидеть.

— Тогда пойдемте туда.

Мы оставили карету у площади и прошли несколько домов пешком. Я шла медленно, придерживая сумку обеими руками. Адриан не пытался ускорить шаг. Возле лотка с сухими цветами нам пришлось пропустить двоих грузчиков, и я на несколько секунд оказалась совсем рядом с ним.

От его пальто пахло чем-то древесным. Я посмотрела на ворот рубашки, где кожа была открыта, и вовремя подняла глаза выше. Он тоже смотрел на меня.

— Здесь неровно, — сказал он, показывая на край мостовой.

— Я вижу.

Пожалуй, ответила я слишком быстро. Адриан не стал объяснять, куда еще мне следует смотреть, а я перешагнула через выбитый камень с такой тщательностью, будто от этого зависла моя репутация.

Заведение оказалось маленьким. Пять столов, открытая дверь в кухню, запах печеного лука и теплого теста. На стене горели три матовых светильника, хотя за окнами еще было светло. Стол возле самой дальней стены стоял пустым; я выбрала его, потому что там можно было прислониться спиной к мягкой обивке.

Адриан снял пальто и повесил на крючок. Без него он выглядел менее официально. На рукаве сюртука обнаружилась светлая нитка; он снял ее, заметил мой взгляд и улыбнулся.

— Что?

— Ничего. Просто вы все утро были таким собранным, что эта нитка показалась неожиданной.

— Скажите спасибо, что не видели меня утром до приезда к вам. Я искал одну перчатку и успел заподозрить в ее исчезновении двух человек.

— А нашли где?

— Во второй перчатке.

Я рассмеялась. Он тоже улыбнулся, отодвигая стул.

— Это не самая удачная история, которую я мог рассказать о себе.

— Зато теперь я спокойнее отношусь к своим поискам в столе.

Женщина в чистом переднике подошла принять заказ. Я выбрала пирог с мясом и зеленью, Адриан — тот же. Чай он попросил для себя, а на меня посмотрел, оставив вопрос мне. Я заказала воду.

Когда женщина ушла, между нами впервые за весь день не осталось папки. Я положила сумку сбоку от себя и некоторое время не знала, куда деть руки.

— Расскажите об Эльзе Луар, — попросила я. — Я должна заранее бояться встречи с ней?

— Не думаю. Она собирает редкие книги и вещи, связанные с театром. Несколько раз помогала труппам оплачивать постановки. У нее свое мнение обо всем, включая работу хранителя, но это не мешало нам разговаривать.

— Вы говорите так, будто она вас ругала.

— Она сказала, что я умею устроить выставку, на которой посетитель боится дышать рядом с витриной.

— А вы?

— Объяснил, сколько стоит содержимое витрины.

Я посмотрела на него и не удержалась от улыбки.

— Помогло?

— Она принесла складной стул и села посреди зала. Сказала, что ждать, пока я научусь устраивать места для людей, слишком долго.

Мне сразу захотелось познакомиться с этой женщиной. Я все еще сердилась на нее за покупку, но теперь могла представить хотя бы что-то, кроме чужой руки, включающей запись.

Принесли пирог. Он был горячим; из разреза поднялся пар, и я поняла, как давно хотела есть. Первые несколько минут мы почти не разговаривали. Адриан придвинул мне хлебницу, когда я потянулась к ней, и вернулся к своей тарелке.

За соседний стол сели двое. Женщина устроилась спиной к окну, мужчина напротив. Пока она снимала перчатки, я заметила, как неудобно он наклоняется, чтобы рассмотреть ее лицо.

Я машинально посмотрела на светильник над ними.

— Неудачно повесили, — сказала я.

Адриан проследил за моим взглядом.

— Что именно?

— Лампу. Она прямо над ее головой. Глаза все время в тени, а из окна светит ему в лицо. Он будет щуриться и думать, что она сердится, даже если они пришли мириться.

— Вы уже решили, что они поссорились?

— Нет. Но на таком месте и я бы долго не выдержала. Посмотрите, он уже наклонился вперед, чтобы ее разглядеть. Еще немного — упрется в вазу.

Мужчина действительно отодвинул вазу с двумя сухими веточками. Я поймала улыбку Адриана и опустила глаза в тарелку, чтобы не рассмеяться слишком заметно.

— Это можно исправить? — спросил он.

— Проще всего поменяться местами, но она окажется в той же неприятности. Лучше сесть к другой стене. Или переместить светильник, только это уже к хозяевам.

— Куда?

Я отломил от хлеба маленький кусок и положила возле края своей тарелки.

— Допустим, это их стол. А окно здесь. Если дать мягкий свет сбоку, лица будут видны лучше. Только сначала нужно понять, как эта лампа устроена. У ювелира вчера она вообще держалась в воздухе.

Адриан подвинул свой стакан, освобождая место для моего объяснения.

— У той удерживающий камень. Здесь обычное крепление, а световой камень внутри. Я не уверен, можно ли сделать его слабее. Надо спросить мастера.

— Тогда хотя бы матовое стекло заменить. Оно сейчас пропускает слишком резкое пятно вниз. И стол отодвинуть от стены на ладонь, иначе женщина ударится локтем, когда захочет повернуться.

Я взяла салфетку и наметила ее сгибом край окна. Когда подняла голову, Адриан смотрел на меня, почти не касаясь остывающего пирога.

— Я увлеклась, — сказала я. — Простите. Ешьте, пока не совсем остыло.

— Я слушаю. Мне интересно.

В этой фразе не было вежливой уступки. Он действительно проследил, как я передвинула хлеб, и теперь перевел взгляд на светильник, проверяя сказанное.

— В моем рабочем кабинете посетители иногда садятся боком к столу, — произнес он. — Я полагал, что им не нравится кресло. Возможно, дело в окне.

— Возможно. Но я не видела ваш кабинет.

— Значит, покажу. Если захотите.

Я представила, как вхожу с ним в комнату, где он работает. Не для того, чтобы выяснить что-нибудь о разводе или забрать очередную бумагу, а потому, что ему интересно мое мнение. От этого стало тепло, и я поспешила взять стакан.

— Захочу, — сказала я. — Только предупреждаю: я могу предложить передвинуть стол. Люди почему-то очень переживают, когда речь заходит об их столах.

— Если после этого я перестану видеть только половину лица собеседника, риск оправдан.

Мы улыбнулись друг другу. Я заметила, что держу стакан у самых губ, но так и не пью.

— Где вы этому научились? — спросил Адриан.

Я опустила руку.

Он еще смотрел с тем же спокойным интересом. Вопрос был естественным. Я сама дала ему повод, заговорив о свете так уверенно, будто всю жизнь этим занималась.

Потому что занималась.

— Я много работала с пространством, — ответила я и почувствовала, как осторожно подбираю каждое слово.

— Для постановок? Я знал о переводах, но не о таком.

Мне оставалось согласиться. Приписать Селесте занятия, о которых ее бывший муж просто не успел узнать. Он бы поверил — или захотел поверить. Наверное, потом похвалил бы меня за то, что я столько умею.

Я поставила стакан на стол.

— Адриан, я не смогу объяснить это одним ответом.

Улыбка исчезла с его лица.

— Я задал неприятный вопрос?

— Нет. Хороший. Мне приятно, что вы спросили. Именно поэтому я не хочу отвечать кое-как.

Он откинулся на спинку стула, оставив между нами больше места. Я поняла, что он собирается отступить, чтобы снова меня не утомить. Через минуту мог предложить карету, сменить тему, дать мне еще день, за который я так и не найду подходящего момента.

Мне уже нравилось, как он смотрит на меня. Нравилось сидеть с ним за маленьким столом, делить хлеб и слышать, что мое объяснение ему интересно. Если я позволю всему этому продолжаться, молчание станет гораздо хуже неловкого признания.

— Мне нужно рассказать вам, что я помню, — сказала я. — Только не здесь. Можно завтра встретиться у меня дома?

— Можно. Когда вам удобно?

— В десять. Я хочу сначала поговорить с вами наедине. А потом, если вы согласитесь, попросить Феликса приехать. Мне может понадобится его помощь с записью.

Адриан несколько мгновений смотрел на меня.

— Вы хотите что-то проверить?

— Да. Но прежде хочу объяснить сама.

— Я приеду в десять, — сказал он. — Далену пока не писать?

Я подумала о пустой сцене, о пульте, о ряде кресел, который видела с ее края. Мне понадобится показать хотя бы что-то из этого. Одних моих слов могло оказаться мало.

— Напишите, пожалуйста. Спросите, сможет ли он прийти к одиннадцати. И скажите, что разговор личный.

— Хорошо.

Я взяла вилку, но есть больше не смогла. Адриан не вернулся к вопросу о театре и не стал расспрашивать о том, что я собираюсь записать. Он попросил завернуть оставшийся пирог, дождался счета и помог мне надеть пальто.

По дороге домой я уже не рассматривала вывески. Подбирала слова, отбрасывала слишком удобные объяснения и начинала заново. Адриан сидел напротив, придерживая на коленях сверток с пирогом. У меня было странное желание попросить его оставить сверток и взять меня за руку.

Я сцепила пальцы и отвернулась к окну.

У калитки он вернул мне сумку. Я поблагодарила за обед, а он напомнил, что завтра приедет к десяти.

— Я буду ждать.

В доме пахло бумагой и остывшим чаем. Нэлла оставила на столе записку, что зайдет вечером. Я положила рядом сверток, сняла пальто и села за тот самый стол, где утром снова пыталась разобраться в чужих документах.

Из отдельного кармана достала карточку Феликса. Некоторое время держала ее в руках, затем нашла чистый лист.

«Меня зовут Полина Белова».

Я написала это и прочитала вслух. Собственное имя прозвучало в комнате непривычно громко. Я перевернула лист, когда у калитки послышались шаги, но не убрала его со стола. Завтра он мне понадобится.

Глава 3. Меня зовут Полина

— Меня зовут Полина Белова. Мне тридцать четыре года. Пять дней назад я была в другом месте, а потом очнулась здесь, в теле Селесты.

Адриан смотрел на лист, который я положила между нами. Вчера я успела перевернуть его до того, как пришла Нэлла. Сегодня утром снова достала: с написанного было легче начать.

Он поднял голову.

— В каком другом месте?

— В моем мире. Мы называем его Землей. Я не знаю, где он находится по отношению к вашему. Не знаю, как попала сюда. Но я помню свою жизнь. А в этом теле до падения в канал жила другая женщина.

Я говорила слишком быстро. Под столом уперлась ладонями в колени и заставила себя замолчать, пока он не ответит.

Адриан отодвинул лист совсем немного, будто имя, написанное на нем, мешало ему меня рассмотреть.

— Вы хотите сказать, что воспоминания, о которых мы говорили вчера, вам не принадлежат?

— Ни одно из трех. Я не была вашей женой. Не переводила пьесы, которые лежат у окна. Не знакома с Нэллой четыре года. Я встретила ее, когда она наклонилась надо мной на набережной.

Он посмотрел на закрытую дверь гостиной.

— Она знает?

Я покачала головой.

Нэлла ушла на работу незадолго до его приезда. За завтраком я попросила оставить нас с Адрианом вдвоем, и она только уточнила, уверена ли я. Было легче ответить на этот вопрос, чем посмотреть ей в лицо.

— Вы первый, кому я это говорю.

Адриан сел глубже в кресло. На часах было десять с небольшим; до приезда Феликса оставался почти час. Подтверждение от мастера принесли утром. Я положила его в прихожей и предупредила женщину, помогавшую по дому, что мы сами откроем гостю. Закончив на кухне, она ушла за покупками.

Мне хотелось убедиться, что нас никто не услышит. Теперь тишина мешала: каждое мое слово звучало слишком отчетливо.

— После такого несчастного случая человек может помнить странные вещи, — сказал Адриан.

— Я понимаю, почему вы так думаете. Лекарь тоже решил, что я потеряла память. Но я не потеряла ее. Я помню, где жила, чем занималась, как выглядит моя мать. У меня было другое лицо. Я узнала бы его среди тысячи лиц, даже если бы проснулась без единого воспоминания о вчерашнем дне.

Он посмотрел на мои руки.

— А это тело?

— Чужое. Оно болит, мерзнет, хочет есть, и я чувствую все это сама. Но прежде у меня даже руки были другими.

Я вытянула пальцы, словно могла показать ему разницу. На этой коже не осталось следов краски, которые я несколько дней безуспешно оттирала на Земле. Сломанный ноготь был целым. В первый день я смотрела на него почти с обидой: даже такая мелочь не перешла со мной.

— Расскажите, что вы помните, — произнес Адриан.

Я ждала, что он встанет, позовет кого-нибудь, начнет убеждать меня прилечь. От спокойной просьбы растерялась и некоторое время не могла решить, с чего начать.

— Я работала в небольшом театре. Делала оформление спектаклей. Рисовала, придумывала, как поставить стены и мебель на сцене, как их потом двигать. Иногда спорила с режиссером, потому что ему хотелось сразу все, а у нас не хватало ни места, ни денег.

Мне вспомнился стол в мастерской. Край, обтянутый засохшим клеем, банки с кистями, чужая чашка на моем эскизе. Я так ясно увидела ее, что разозлилась на того, кто поставил чашку, и только потом поняла, насколько нелепа эта злость сейчас.

— Вчера за обедом я рассказала вам про свет, потому что понимала, что с ним не так. Селеста этому не училась. Я не знаю, может, она и умела что-нибудь похожее, но тот стол я мысленно передвигала, опираясь на собственный опыт.

— А последнее, что было там? Перед тем, как вы оказались в канале?

Я потерла большим пальцем костяшку указательного.

— Мы проверяли декорацию. Большую боковую конструкцию. Я отошла к краю сцены, хотела посмотреть, как она выглядит из зала. Сверху стукнуло. Кто-то крикнул мне пригнуться. Я подняла голову.

Он не перебивал.

— Я не помню самого удара. И воды тоже. Потом уже Нэлла, мокрое платье, люди вокруг. Я просила телефон, чтобы позвонить маме. Нэлла не поняла, чего я хочу.

— Телефон — это прибор для разговора?

Я кивнула, неожиданно обрадовавшись тому, что он смог понять хотя бы это.

— Да. Можно услышать человека, который далеко. Мой был в рюкзаке. Вместе с ключами и пропуском в театр. Здесь ничего этого нет.

Адриан посмотрел на папку с нашими бумагами. Она лежала на другом конце стола, закрытая. До сегодняшнего утра я могла в любой непонятный момент достать из нее опись и вернуться к безопасному разговору о чужих вещах.

— Вы знали, кто я, еще до нашей первой встречи? — спросил он.

— Нэлла сказала, что вы бывший муж Селесты. Показала документ о разводе. Потом я прочитала ваше письмо. Я не знала даже, как вы выглядите.

— А когда я вошел?

— Увидела вас впервые.

Он опустил глаза. На секунду мне захотелось отнять у него эти слова, добавить, что я что-нибудь почувствовала, узнала голос. Но я помнила ту встречу целиком. Красивый незнакомец потянулся к моей руке, а я испугалась, потому что для него такое движение было обычным.

— Поэтому вы попросили не прикасаться, — сказал Адриан.

— Поэтому.

Он провел ладонью по лицу и встал. Я замерла, но он только подошел к окну. За стеклом кто-то остановился возле калитки, затем пошел дальше. Адриан дождался, пока шаги стихнут.

— Что случилось с Селестой?

Я знала, что он спросит. Готовилась к этому с того момента, как написала свое имя. Все равно мне пришлось сделать вдох, прежде чем ответить.

— Я не знаю, что произошло с ней в ту секунду. Помню только себя. Здесь я не слышу ее, не чувствую, что кто-то еще думает вместе со мной. Иногда ловлю себя на том, что жду подсказки: где лежат вещи, что означает слово, как ответить знакомому человеку. Никаких подсказок нет.

Адриан повернулся ко мне.

— Вы можете показать то, о чем рассказываете? Поэтому попросили пригласить Далена?

— Надеюсь, могу. Он сказал, что получится сохранить недавнее воспоминание. Я хочу записать сцену, на которой работала. До несчастного случая. Там есть вещи, которых здесь я не видела.

— А если запись не получится?

Я опустила взгляд на свое имя.

— Тогда у меня останутся только слова. Я не знаю другого способа убедить вас.

Он долго молчал. Я смотрела на складку его рубашки у ворота и боялась поднять глаза. В эту минуту от него зависело слишком многое: смогу ли я остаться здесь без объяснений перед лекарями и знакомыми Селесты, позволит ли он мне самой рассказать Нэлле, захочет ли вообще продолжить разговор.

— Я не позволю никого без вашего ведома, — произнес Адриан. — Но мне нужно время, чтобы понять услышанное.

Я посмотрела на него. Он стоял у окна, чуть опустив плечи, и казался заметно старше, чем вчера за обедом.

— Я понимаю.

— Не уверен, что понимаете.

В голосе не было угрозы. От этого мне стало еще тяжелее.

— Нет, — призналась я. — Наверное, не понимаю. Но и вы не можете знать, каково мне просыпаться в ее постели. Я до сих пор первым делом ишу возле подушки телефон. Сегодня тоже искала, хотя уже знала, что его нет.

Адриан вернулся к креслу, но не сел.

— Ваша мать знает, что с вами случилось?

Я качнула головой.

— Не знаю. Может, ей сообщили про несчастный случай. Может, она еще пытается мне звонить. Я ничего не знаю о том, что там происходит.

Слова перестали слушаться. Я прижала пальцы к губам, злясь на себя за слезы: не хотела, чтобы он поверил мне из жалости. Но мама уже пятый день не знала, где я, и произнести это вслух оказалось хуже, чем думать ночью.

Адриан поставил рядом со мной стакан воды. Я не заметила, когда он налил ее из кувшина.

— Как ее зовут?

— Нина. Ей пятьдесят восемь.

Он кивнул. Не сказал, что все обязательно устроится. Не пообещал найти человека, который сможет передать ей весточку. Я была благодарна ему за то, что он просто дал мне выпить и не продолжал расспрашивать, пока я не вытерла лицо.

Когда постучали, я вздрогнула так сильно, что вода плеснула на пальцы.

Адриан посмотрел на часы.

— Это Дален. Я открою?

— Да. Пожалуйста.

Я промокнула мокрую ладонь платком и перевернула лист с именем. Потом снова повернула его написанным вверх.

Феликс вошел с жестким кожаным футляром. Поставил его на свободный край стола, поздоровался и посмотрел на меня поверх очков.

— Начнем или вам нужно отдохнуть?

— Сначала мне нужно кое-что объяснить. Я не совсем то сказала вам в мастерской, когда спрашивала о записи.

Он убрал руку с застежки футляра.

Я повторила свое имя. Рассказала о театре, несчастном случае и пробуждении у канала. На этот раз смогла говорить ровнее. Адриан стоял возле книжного шкафа, и я старалась не искать его взгляд после каждой фразы.

Феликс выслушал меня до конца.

— Что вы хотите сохранить?

— Несколько секунд на сцене. Пульт, свет, зал. Я хорошо помню этот момент. Там еще ничего не случилось.

— И показать господину Вейру?

— Ему и вам. Больше никому. После этого я хочу уничтожить запись.

Мастер кивнул так спокойно, будто я просила об обычной услуге.

— Сделаем. Но я смогу подтвердить только свойства самой записи. Где находится место, которое вы помните, и что именно с вами произошло, прибор не установит.

— Я понимаю.

Феликс открыл футляр. Внутри лежали разобранные кольца, плоское основание и небольшой сверток с инструментами. Он собрал устройство на столе; оно оказалось компактнее того, которое стояло у него в мастерской. Адриан подал ему второй стул, чтобы было куда поставить футляр.

Я смотрела, как они заняты простой работой, и понемногу переставала дрожать. Кольцо нужно было придержать, защелку — закрыть до конца. Никто не торопил меня продолжать рассказ.

Феликс достал прозрачный камень в медной оправе и положил на сложенную ткань.

— Пробный. Для такого короткого эпизода достаточно. Вы сможете остановиться в любой момент.

— Это будет больно?

— Нет. Если станет тяжело вспоминать, просто откройте глаза и уберите руку.

Я растянула манжету и отвернула рукав. Феликс показал, как держать оправу, и попросил вспомнить выбранный момент с самого начала. Не объяснять ему, что я собираюсь увидеть, а задержаться на том, что действительно помнила.

Я закрыла глаза.

Пульт стоял на небольшом столике возле боковой стены сцены. Мы принесли его туда для проверки света, чтобы каждый раз не бегать через зал. На углу лежала свернутая рабочая схема, прижатая рулоном ленты.

Я помнила ползунок под пальцами. Как сдвинула его, увидела на декорации слишком холодный оттенок и убрала немного синего. Левую руку положила на край столика. На большом пальце цеплялся сломанный ноготь; я прижала его к дереву, чтобы не задевать.

В голове возник звук пустого зала: скрип кресла, далекий кашель, шаги за кулисами. Ткань на левой стороне еще не успели расправить, внизу оставалась складка. Я собиралась попросить ее убрать, но сначала посмотрела на освещенную стену.

Камень под ладонью потеплел. Я удивилась этому ощущению, открыла глаза и сразу увидела лицо Феликса.

Он сидел напротив. В комнате было тихо.

— Уже? — спросила я.

— Посмотрим, что получилось. Руку можно убрать.

Я разжала пальцы. Внутри камня появилась тонкая желтоватая полоса, совсем не похожая на сад из его учебной записи. Пока я рассматривала ее, Феликс закрепил оправу в приборе.

Адриан подошел ближе, но сел только после того, как я кивнула на стул рядом.

Свет развернулся между кольцами.

Я увидела собственную руку.

Не ту, что сейчас лежала на колене. Кожу с пятнышками вьевшейся краски, короткие ногти, знакомую полосу старого ожога возле запястья. Из-под рукава рабочей рубашки торчала нитка, которую я все собиралась обрезать.

Пальцы сдвинули ползунок. На маленьком экране изменились цифры, над соседними кнопками горели зеленые огоньки. Изображение поднялось: показался край сцены, несколько рядов пустых кресел, потом декорация в холодном свете.

Я знала, что увижу дальше. Синий оттенок стал мягче, на нарисованной стене проступила фактура. У левого края висела нерасправленная ткань. Из-за нее донеслись шаги, и кто-то негромко рассмеялся.

Все было своим.

Я наклонилась вперед так резко, что Адриан повернул голову. На секунду мне показалось, что если я успею рассмотреть дальний ряд, то увижу и рюкзак, оставленный там. Телефон внутри, мамино сообщение, которое еще не исчезло из моей жизни.

Но в воспоминании я повернулась к пульта. Дальний ряд остался за пределами изображения, и свет погас.

Я продолжала сидеть, подавшись вперед. Ладонь, которой я упиралась в стул, была бледной и чистой. Я посмотрела на нее, потом на камень.

— Это было там, — сказала я. — Так выглядел мой театр.

Адриан не ответил. Он смотрел между кольцами, хотя изображение уже исчезло.

Феликс вынул камень, развернул его к окну и проверил через маленькое стекло. Его движения были точными, привычными. Мне хотелось, чтобы он перестал заниматься оправой и сказал что-нибудь, но я не вмешалась.

— Запись устойчивая, — произнес он наконец. — Это сохраненное личное впечатление. Не повтор чужого показа. И ваш рассказ ему не противоречит.

— Вы видели такие приборы? — спросил Адриан.

— Точно такого — нет. Это не моя область, господин Вейр. Я не возьмусь судить о целом мире по тому, как в нем меняют освещение. Но сам образец я проверил.

Адриан повернулся ко мне.

— Рука была вашей?

— Моей. Ноготь я сломала накануне. Собиралась подпилить, но все время откладывала.

Он посмотрел на мою нынешнюю ладонь. Я не убрала ее, хотя от его взгляда захотелось спрятать руки под стол. Мне вдруг стало ужасно неловко за то, что он вынужден сравнивать женщину, которую помнит, с незнакомой рукой в кристалле.

— Такое уже случилось? — спросила я Феликса. — Не запись. Человек, который оказался в чужом теле.

Он снял очки и положил возле футляра.

— Есть редкие свидетельства. Рассказы самих людей, заметки врачей, несколько описаний, которые я читал по работе. Свести их к одному понятному правилу никому не удалось.

Я выпрямилась.

— Но если они есть, значит, кто-то пытался разобраться? Найти, как это происходит?

— Пытались.

— И как вернуться?

Феликс посмотрел на меня без той деловитости, с которой только что проверял кристалл.

— Способа, которым вы могли бы воспользоваться, нет. Я не знаю никого, кто умеет вызывать такой переход или повторить его по собственной воле.

Я поняла ответ сразу, но все равно задала следующий вопрос:

— Может быть, есть другой мастер? Вы же сказали, что это не ваша область.

— Другие мастера знают о записях больше или меньше меня. Это не означает, что кто-то из них умеет возвращать человека в прежнюю жизнь. Я не хочу давать вам надежду только потому, что мне трудно произнести неприятный ответ.

Я посмотрела на опустевшие кольца. Несколько секунд назад там был мой театр. Я видела пульт так ясно, что могла бы указать, какая из кнопок заедала. Он существовал, я не придумала его из тоски, и от этого расстояние до дома не стало меньше.

— А Селеста? — спросил Адриан.

Феликс повернулся к нему.

— По одному этому образцу я не устанавливаю, что произошло с ней. Но запись не содержит ее память. Вы слышали, что говорит о себе госпожа Белова.

Я впервые услышала свою фамилию от другого человека в этом доме.

Адриан задержал взгляд на мастере, потом на мне.

— Вы не встречали ее там? Перед тем, как очнулись? — спросил он.

— Нет. Ни ее, ни кого-то, кто объяснил бы мне происходящее. Я не выбирала ни этот мир, ни ее тело.

Последние слова дались тяжело. Мне не хотелось оправдываться в том, что я выжила, но именно это я сейчас делала.

Адриан опустил голову. Я видела, как он сжал руки, затем разжал и положил на колени.

— Я вам верю, — сказал он.

Я не почувствовала радости. Только смогла наконец выдохнуть, перестав ждать следующего возражения.

Феликс помолчал и указал на кристалл.

— Оставляем прежнее решение?

Мне понадобилось мгновение, чтобы понять, о чем он спрашивает.

— Уничтожить, — ответила я.

Он не потянулся за инструментами сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.